

18+

Брезентовый парус

или каникулы в Астрахани

Игорь
БРАТЧЕНКО

Игорь Братченко

**Брезентовый парус, или
Каникулы в Астрахани**

«Издательские решения»

Братченко И. В.

Брезентовый парус, или Каникулы в Астрахани /
И. В. Братченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602519-6

Жизнь астраханского понизового села позднего советского времени — стержень повести «Парус». А видит её автор глазами школьника, «сосланного» на всё лето к бабушке. И латанный-перелатанный брезентовый парус на бударке — не больше, не меньше, как символ ушедшей эпохи. Той эпохи, где по Астрахани лениво громыхали трамваи, а по Волге носились «Метеоры» и «Ракеты», где в ловецких селениях доживали свой век династии настоящих рыбаков, где на земле, освобождённой половодьем, сажали картошку

ISBN 978-5-00-602519-6

© Братченко И. В.
© Издательские решения

Содержание

О повести	6
Из Шевченко в Астрахань	7
Нежданный гость	10
Пляж	13
Русский казах	15
Бросок через бедро	17
Внучок приехал	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Брезентовый парус, или Каникулы в Астрахани

Игорь Викторович Братченко

© Игорь Викторович Братченко, 2024

ISBN 978-5-0060-2519-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это третье, дополненное новой главой, издание ранее вышедшей повести – в 2017 году, в сборнике прозы и в апреле 2019 года, отдельной книгой. Повесть вызвала много положительных откликов от астраханцев – «...легла на душу...» и потому, учитывая повышенное внимание к ней, представляем окончательную версию повести. Повесть «Брезентовый парус или каникулы в Астрахани» – книга о светлом и добром. Книга о доброте и любви, щедро полученных в детстве, и сопровождающих человека всю его жизнь, как камертон настраивая на правильный лад его душу и помыслы.

О повести

Юрий Щербаков, председатель Астраханского отделения Союза писателей России: «Жизнь астраханского понизового села позднего советского времени – стержень повести „Парус“. А видит её автор глазами школьника, „сосланного“ на всё лето к бабушке. И латаный-перелатанный брезентовый парус на бударке – не больше, не меньше, как символ ушедшей эпохи. Той эпохи, где по Астрахани лениво громыхали трамваи, а по Волге носились „Метеоры“ и „Ракеты“, где в ловецких селениях доживали свой век династии настоящих рыбаков, где на земле, освобождённой половодьем, сажали картошку, а на старых куласах и бударках ходили на острова за ежевикой. Что не говорите, а ностальгия – светлое чувство... Грусть по безвозвратно утраченному прошлому, по размеренной и спокойной жизни – у многих коренных астраханцев ворохнётся она в душах после прочтения повести Братченко».

Дина Немировская, поэт, литературовед: «Повесть о похождениях героя-подростка, прототипом которого отчасти стал сам автор, увлекает и кинематографичной манерой изложения, как это было отмечено в предисловии к книге Председателем Астраханского Союза писателей России Ю. Н. Щербаковым, и оригинальным неизбитым сюжетом, и умением смотреть на мир глазами подростка. Я отношу эту повесть к явным авторским находкам, а её автора считаю продолжателем лучших традиций астраханской прозы. Лично я прочла эту книгу взахлёб! Всё сетовала, что в Астрахани нет продолжателя традиций Юрия Селенского. Астрахань глазами 20-30-х годов сорванца Гошки Потехина („Не расти у дороги“) продолжил автор „Брезентового паруса“, передавший неповторимую атмосферу нашего города 70-х также глазами подростка, старшеклассника Славки. Честно говоря, давно в нашем городе не выходили книги прозы, которые хочется не только прочесть от корки до корки, но и перечитывать вновь. К книге повести и рассказов Игоря Братченко хочется возвращаться и перечитывать».

Из Шевченко в Астрахань

Ещё целый час и двадцать минут мне торчать в этом аэропорту, ожидая вылета. Притом, регистрацию ещё даже не объявляли. Торопись, опоздаешь... Вечно так! Мама поторапливает: «Опоздаешь! Живее-живее собирайся! Только до аэропорта тебе сорок минут ехать! А пока до остановки дойдём, пока автобус дождётся...». «Лучше перебеспокоиться, чем недобеспокоиться!». Ну, вот и приехал. Броди теперь тут с сумкой. Плавься здесь от жары. Хорошо, что у бабушки не будет такого зноя – там сад, река и совсем нет асфальта и камней, от которых веет пеклом...

Вхожу в зал ожидания. Похоже, что все кресла в обоих залах заняты. Сидят, лежат... Одним словом – вокзал... Послonyaвшись меж рядами в поисках свободного местечка, прислонился к стене возле самого выхода. Работают кондиционеры. После духоты в автобусе, где врывающиеся потоки воздуха не приносят облегчения, а на зубах от них скрепит песок – здесь класс! Просто восторг. Дышится полной грудью. Если б только не эта толчея, да плачущие дети. Хаос, как в школе – крики, визги. Только устаешь от царящего напряжения и ожидания больше, чем от уроков. Наблюдать за людьми интересно, но мне эта толкотня изрядно уже надоела – постою-ка я снаружи. Неспешно направляюсь к выходу из зала ожидания, по пути обходя чемоданы и баулы пассажиров, ожидающих посадки или регистрации. В раскрываемую дверь дохнуло жаром, как от жерла вулкана, а яркое солнце, отражённое от выбеленного асфальта, стёкол киосков и уличных павильонов, на мгновение ослепило... Я даже подался назад. Но меня тут же толкают в спину: «Вы выходите или нет?» Маленький, лысый и нервный какой-то, с сумкой на колёсах...

Площадь перед вокзалом вся во власти солнца. Жарко, но свободно. В ближайшем киоске купил холодного сока и спрятался в тень. Стою, лениво потягиваю через соломинку живительную влагу. Перед зданием бродят рыжие приземистые коровы, мордами лезут в мусорные урны и жуют там всякую дрянь. Вон одна чокнутая коровёнка возле киоска разделяется с бумажным ящиком... Ну и пищеварение у них! Пассажиры не обращают никакого внимания на коров, как будто им тут место...

Один за другим взлетают лайнеры. Приятно смотреть им вслед. Будто здесь остаётся всё, набившее оскомину, а там – свобода! Там радость нового... Это, конечно, мои ожидания. Как только сяду в самолёт, и он оторвётся от взлётной полосы, родительская опека останется позади, точнее – внизу, под крылом самолёта... А там, впереди – бабушка... Её не стоит воспринимать слишком серьёзно – она ворчливая, но добрая... Правда, я два года как у неё не был, но не могла же она измениться и стать, например, злой. Это мы, вчерашние дети, изменяемся – растем, взрослеем, умнеем... А старики, как законсервированный продукт, и через десять лет с теми же привычками...

Так, мой рейс... В зале у стойки регистрации уже толкотня. Все нервные, потные – переживают чего-то. Маленькие дети вопят, их мамы на руках качают, трясут, не забывая ногами подталкивать сумки к заветной стойке с огромными весами. Перевес... Доплатите... На посадку... Я спокойно занимаю очередь и с безразличным видом взираю на всю эту кутерьму. Без нас самолет не улетит.

Проходит ещё немного времени, и приятный женский голос объявляет посадку на самолёт АН-24, вылетающий из аэропорта города Шевченко в город Астрахань. Две стюардессы проверяют наши билеты и приглашают следовать за ними. По бетонной полосе, минуя ТУ с реактивными двигателями, возле которого в этот момент рокотал насосами автозаправщик, мы подходим к нашему воздушному судну. Часть вылетающих кинулась к грузовому отсеку загружать свой багаж, а я и те немногие, что путешествовали налегке, затопали, поднимаясь по посадочному трапу в салон.

Наконец-то суэта улеглась, и все расселись по местам. Входной люк закрылся, и через ещё пару минут самолёт начал своё движение, вырубив на взлётную полосу. Вот он остановился, заняв необходимую позицию, и взвыл двигателями и лопастями, бешено рассекающими воздух.

Сквозь рёв винтов за бортом пробивается голос стюардессы: «Прощу всех пристегнуть ремни безопасности и не перемещаться по салону до полного набора высоты...» Усилившиеся обороты двигателей окончательно заглушили объявление. Самолет затрясся. Казалось, ещё чуть-чуть и развалится... Резко вдавило в кресло – мы понеслись стрелой по взлётной... Отрыв... соприкосновение... отрыв... Смотрю в окно, как земля удаляется под нами. Стремительно бежит тень самолёта. Шасси убираются. Всё становится маленьким и игрушечным. Тень от самолёта теряется где-то внизу. Самолёт делает крен-разворот. Вот и море засверкало впереди, медленно надвигаясь, заполнило весь горизонт. Редкие облака поплыли под нами. Вокруг звучат приглушённо голоса – уши заложило до неприятного... Но вот и компенсация – стюардесса раздаёт лимонад и леденцы...

За стеклом иллюминатора только бескрайнее море и облака... Солнце миллионами искр отражается в водах. Откидываюсь в кресле и закрываю глаза. Монотонный гуд самолета приглушает сознание, убаюкивает... Будто издали доносится голос стюардессы... Открываю глаза – вокруг возня... Зашевелились. Прибываем! Дети прилипли к окнам...

«Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги...». Под нами, конечно, не тайга, но очень зелено. Аккуратные прямоугольники возделываемых полей, дороги с бегущим по ним транспортом. Засверкала, извиваясь, река. Волга. В её водах отражались облака.

О! Внизу, рассекая воды и оставляя в кильватере волнистый след, скользит белое пассажирское судно на подводных крыльях. Ещё немного, и я сяду в такое же – «Ракету» или «Метеор» и помчусь по мутным волжским водам... Самолёт резко накренивается, выполняя манёвр, и начинает плавное снижение.

Прямо по курсу в иллюминаторе показались узнаваемые очертания аэропорта с бетонными полосами, здание вокзала, самолёты, заправщики... Наш лайнер заходит на посадку – тень его стремительно растёт. Мягкое соприкосновение и взревевшие двигатели... Практически ничего не слышно, но стюардесса что-то говорит, и до нас доносятся лишь обрывки фраз: «до полной остановки...», «не забываем в багажном...», «выхода экипажа»... Лопастя пропеллера замирают. По салону волной пробежало нетерпение – все посматривают на выход, на свет, падающий из открытого люка.

Пошёл экипаж... Теперь и мы!

На выходе из салона по лицу скользнул ветер, сбивая длинную чёлку на глаза... Ну, спасибо, ветер-ветерок, хорошо же ты встречаешь гостей! На ходу поправляя взлохмаченные воздушным потоком волосы, спускаюсь по трапу на астраханскую землю.

Стюардесса останавливает рвущихся идти к зданию вокзала.

– Граждане пассажиры, не расходимся – сейчас прибудет транспорт, который нас доставит к зданию аэровокзала. Ждём, товарищи, ждём.

Мне видно, как от вокзала в нашу сторону направляется объявленный стюардессой транспорт. Минута, и он уже возле нас.

– А вот и аквариум прибыл.

Прокомментировал его прибытие молодой, полноватый мужчина с широкой улыбкой на лице.

– Дима, веди себя прилично. – Останавливает его худенькая женщина, видимо супруга. – Не надо так шутить. Тебя не поймут...

Пассажиры загрузились в прибывший транспорт, и мы плавно покатались к вокзалу.

Опережая всех, выскакиваю из этого «аквариума». Два шага... и я в здании аэровокзала. Толпа встречающих, обнимающихся и целующихся. Ловко обхожу все препятствия и иду к автобусной остановке... Ни одного автобуса. Таксисты наперебой предлагают услуги.

– На речной вокзал! – Бросаю сумку в багажник, а сам – на заднее сиденье. Чувствую себя королём, ну... или просто свободным человеком. Да здравствуют каникулы! У меня впереди два с половиной месяца свободной жизни. Ни уроков, ни учителей, ни родителей на горизонте...

Из аэропорта в город дорога прямая и длинная, как «взлётка», и засажена стройными рядами тополей. Такси мчится по тополиной аллее, обгоняя неспешный общественный транспорт, ветер врывается в приоткрытое окно, обдувая и наполняя душу невыразимым чувством свободы и восторга. Я не был здесь целую вечность – весь учебный год и потому смотрю по сторонам с восторгом человека, прибывшего после долгого расставания и теперь наслаждающегося своим присутствием в этом месте, в этом мире. Я наслаждался попадавшимися на дороге нам троллейбусами и трамваями, мотоциклами, снующими тут и там, шумом и гомоном этого города. Я счастлив вновь оказаться здесь, в этом городе у Волги, испещрённом водными каналами и изобилующим мостами через них.

Попетляв по городским улицам, мы выныриваем возле речного вокзала. Семнадцатая пристань. Рассчитываюсь с водителем и выхожу. Не спеша, иду по аллее к пристани. Торопиться не хочется. Такое чувство, что весь мир счастлив вместе со мной – все вокруг радостные, чуть ли не повизгивают от восторга. Недаром говорят, когда нам хорошо, то и весь мир ликует с нами, когда же плохо, то и замечаем мы только омрачающие нас события и подтверждающие некое, ранее составленное мнение и состояние. Я усмехнулся, припомнив слова своей одноклассницы Наташки: «Будь ты проще, сядь ты на пол, и к тебе потянутся люди».

Мимо пробегают дети, толкаясь, занимают очередь за мороженым. Сажусь на скамейку и озираюсь вокруг, смотрю на причал, реку. Слышно, как урчат двигатели крылатого скоростного судна – «Метеора». По трапу заходят пассажиры. От реки порывы ветра доносят запах влаги, свежести и... мороженого – мимо прошли мелкие девчонки, с удовольствием вылизывая и смачно откусывая краешки вафельного стаканчика. Проводив их взглядом, решаю купить и себе, благо, очередь только что рассосалась.

О, какое блаженство! Сладкое, холодное блаженство... Блаженство, тающее во рту и наполняющее душу невероятной истомой... Прикрыв глаза отдаюсь наслаждению вкусом. Астраханское мороженное вкуснее, чем у нас дома. Возможно, это из-за волжской воды. Откуда-то издалека, с одного из туристических теплоходов, ветер приносит обрывки песни: «Лето... ах, лето...». Приятный женский голос певицы ветром запутывался в кроны деревьев набережной, в птичий и пассажирский гвалт, растворялся в мутных водах реки.

Но, как и всё в этом мире, мороженое закончилось, приятно холода у меня где-то внутри... Хотелось бы повторить, но опять собралась очередь, а я не люблю стоять в очереди... Всякий раз, когда вынужден оказаться в импровизированном списке на получение, возникает какое-то неприятное ощущение...

Нежданный гость

Так, хватит сидеть, пора в кассу. Надо брать билет и – вниз по Волге! В деревеньку, где старенькая бабушка... Гм-м-м... наверно, к моему приезду пирожки печёт. Вкусные, надо сказать пирожки у неё – большие, золотистые и с хрустящей корочкой... От этих мыслей внутри меня что-то перевернулось, а во рту такое началось... Я громко сглотнул и поспешно вскочил со скамьи – надо поторапливаться. Спускаюсь по трапу на палубу плавучего причала с кассами и залом ожидания.

Прохожу в кассовый зал речного вокзала, а там... Очередь! Да ещё какая очередь! Человек тридцать, а может быть, и сто... Нет, это не для меня... Я с невозмутимым видом никуда не спешащего товарища прошёлся вдоль очереди туда-сюда, задумчиво постоял, рассматривая огромную картину, перекрывающую почти всю стену с таким же огромным, но очень аппетитным арбузом... Да-с, арбуз... пока их ещё нет, а жаль. Астрахань у меня ассоциировалась с арбузами и рыбой. Рыбу я не любил, но вот арбузы... Собственно, кто не любит арбузы? Покажите мне такого человека, разве есть такие? Как можно не любить этот зелёный, полосатый, с сочной красной мякотью, мяч? На память сразу пришло воспоминание о прошлогодней поездке в Зензили к родственникам. Там меня возили на бахчу – арбузы в бескрайней степи. Огромные! Не такие, как на картине речного вокзала, но – огромные. Родственник угостил меня тогда арбузом прямо на бахче – просто разбил его рукой и извлек из него сладчайшую сердцевину. Да... экскурсии и путешествия – это хорошо, это познание мира. Должен ли я отказываться от познания? Здесь, в городе, у меня есть двоюродные сёстры студентки – пойду-ка я наведаюсь в гости! Так сказать, схожу на экскурсию. Всё будет веселее, чем в деревне...

А бабушка и пирожки подождут.

Выйдя с вокзала, решил идти пешком. Маршрут этот я знаю – уже бывал там... Да и деньги надо экономить – я и так лихо шиканул на такси... Улочки, улочки... Ох уж эти астраханские улочки! Петлял, петлял и, кажется, заблудился... Точно помню: по мосту через речушку, пара улиц, поворот направо и – пришёл... Нет же... Заблудился! Кругом одинаковые деревянные дома с некрашеными и покосившимися от старости заборами... Вроде бы она, эта улица, но какой дом? Ерунда какая-то... Они здесь что, все двухэтажные? Озираюсь растерянно по сторонам... Отчаянье хватает за горло... Самонадеянный тип! Мама говорит: «Язык до Киева до ведёт». Но кого и о чём здесь спрашивать?! У меня даже в голове помутнело от досады...

– Славка! Ты, что ли? Ты чего здесь?

Поворачиваюсь на голос. С противоположной стороны улицы идёт сестра Ирина и ехидненько так улыбается...

– К нам? А что не предупредил? Сюрприз? – Обнимает меня. – Ну, привет! Пошли штоль... Гость! Заблудился, да? А мы смотрим из окна: ты идёшь с сумкой... и мимо... потом обратно... Смешно...

– Да, какой там сюрприз?! К бабушке-то я успею! А так... Хотел вас навестить, по Астрахани побродить... Вот. Примерно так... Только каникулы начались, а меня уже в село сослали! Да и что мне там делать?

– Ну-ну... Горожанин. Приучайся к труду, белоручка. Бабушке поможешь – она скоро картошку сажать будет!

– Так я же понятия не имею, как это делается!

– Вот и научишься! – Оборвала меня кузина. – Заходи? Заходи!

Мы прошли пару домов в обратную сторону от моих метаний по улице и остановились у невысокого деревянного забора, крашенного зелёной краской. Она распахнула калитку, и мы оказались на уже знакомой мне по прошлому визиту территории.

По скрипучей деревянной лестнице поднялись на второй этаж. На окнах веранды висели цветастые занавески. Прямо в проходе, перед лестницей, стояли два картонных ящика с луком и картошкой. Перед дверью в квартиру, на старом, давно не крашеном полу, рядами выстроилась женская обувь...

– У вас что здесь, женский батальон расквартирован?

– Нет, умник! Обувь на все случаи жизни... Снимай ботинки и заходи!

Попав в квартиру, я оказался в помещении, исполняющем обязанности прихожей и кухни. За столом, справа у окна, почти напротив входной двери, сидела симпатичная брюнетка. Пила чай с печеньем. Печенье девушка держала двумя пальчиками, кокетливо отведя в сторону мизинчик. Она посмотрела на меня и, молча кивнув, изящно откусила печенье и зачем-то шумно отхлебнула чай...

– Вот, привела путешественника! – громко над моим ухом произнесла Ирина. Я вздрогнул от неожиданности и посмотрел на неё. Она, улыбаясь, продолжила:

– Это Лариса, подружка моя... Чай пить будешь? Присаживайся!

Я, не найдя слов, кивнул и присел с противоположной стороны от кокетливой поедательницы печенья. Дорожную сумку опустил рядом со стулом.

– Сумку занеси в комнату. У нас не воруют!

– Смешно! Успею... Чай попью... с печеньем.

– А ты поторопись, его скоро не останется, – произнесла томно, с расстановочкой, Лариса и заулыбалась...

– Ничего, ещё купим.

– Слушим, – хихикнула Ирина. – Богатый Буратино какой! Мама с папой много денег дали, да?

– Причём здесь мама с папой? – Разозлился я. – Может, я их заработал... Макулатуру собирал! Вот...

– Богатый Буратино из страны чудес! Много макулатуры собрал наш герой, – посмеивалась Ирина, – и будет теперь девчонок печеньем угощать... и конфетами, наверное, – ехидничала сестра.

– Ладно... Пойду сумку пристрою в комнате.

У меня пропало всякое желание пить чай. С печеньем или без, но пить уже не хотелось. Мне было неудобно перед этой девчонкой... Сестра так и норовила показать, какая она взрослая и разумная, а я – и не взрослый, и не разумный... Я встал из-за стола. Взял сумку и вошёл в комнату... С тех пор, как я был здесь последний раз, в прошлом году, ничего не изменилось. Так же слева стоял сервант, справа диван, на полу палас... Лишь у окна появился новый постоялец – телевизор. Он был включён на малую громкость... И там, едва слышно, на фортепиано самозабвенно музицировал Элтон Джон.

– Ира, а где сумку положить?

– Возле дивана... К стене!

Бросив сумку возле дивана, я присел. Старый диван возмущённо заскрипел... Откинувшись на спинку, стал смотреть концерт. Девчонки на кухне о чём-то шептались и хихикали. Но я быстро о них забыл, увлечшись музыкой. Музыканты сменяли один другого, яркие краски на экране вспыхивали, гипнотизируя и погружая в этот прекрасный мир праздника и веселья...

– Славик, мы сейчас купаться идём. – Вернул меня к действительности голос Ирины. – Останешься дома или с нами пойдёшь?

– С вами, конечно. Что мне тут сидеть?!

Да и разве я мог упустить такой момент? Только вчера я купался в Каспийском море, а сегодня уже в Волге...

– Тогда собирайся! Мы уже готовы.

Быстро переоделся и вышел на кухню. Девчонок там не было. Их шаги доносились уже снизу лестницы... Выскочив на веранду, крикнул им:

– А дверь, что запирать не надо? Где ключ?

– Не надо! Скоро Маринка придёт. К тому же Марья Ивановна, хозяйка, на первом этаже – дома. Она всё видит и слышит... – После этих слов девчонки засмеялись.

– Ну, давай, живей! Спускайся! Не отставай. Мы ненадолго идём... У нас особая миссия.

– А что за миссия?

А в ответ тишина и лишь хлопок ворот, как команда «на старт, внимание, марш». Я быстро слетел по лестнице и со двора выскочил на улицу, догонять девчонок. Они мелькали в свете лучей солнца, пробивавшихся сквозь крону деревьев. То, вспыхивая бело-жёлтым, то гаснув в вязкой синеве тени...

Догнав девчонок, прежде чем они свернули на следующую улицу, я, как истинный джентльмен, взял из рук Ларисы пакет с пляжным покрывалом. Солнце уже по-летнему припекало... И это радовало... Буду купаться в волжской воде и загорать под астраханским солнцем... и, несколько позже, – валяться в саду, в тени деревьев, лениво срывая яблоки с ветвей, клонящихся до земли... Ах да, сейчас, наверное, вишня! А яблоки зеленой зелёного. Ну ничего, и яблоки будут, и мои любимые абрикосы, которые местные почему-то называют сливой, а сливу – чернослив...

Пляж

– А вы куда? Разве не на пляж идём? – озадачился я, видя, что движемся в противоположную сторону от городского пляжа.

– Нет, не на тот! Увидишь.

Девчонки бодро шагали вперёд, а я за ними, и вскоре мы вышли на перекрестье улиц и остановились на трамвайной остановке. Старая часть города. Деревянные дома, улица, не укрытая асфальтом, но поросшая роскошной травой и, конечно, камышом. Казалось, что время здесь остановилось. И лишь проложенные трамвайные пути посередине свидетельствовали о техническом прогрессе человека. В конце длинного уличного тоннеля, из-за поворота показалось алое пятно движущегося вагона. Постукивая и полязгивая на стыках рельс, катился трамвай.

Этот вид транспорта для меня был экзотикой. И потому, всякий раз бывая в Астрахани, я никогда не упускал возможности прокатиться на нём – иногда просто садился на кольцевой маршрут и катался по улочкам города, рассматривая строения и людей. Прислушиваясь к их словам, к их говору, так значительно отличавшемуся от привычной мне речи.

Пассажиров в салоне было немного. Большая часть мест пустовала... С лязгом защёлкнулась дверь, и мы плавно покатались вперёд. В трамвае водитель, объявляя остановки, называл следующие... Люди входили и выходили. Шумной ватагой ворвались пацаны чуть младше меня, громко обсуждая фильм, идущий в местном кинотеатре. Строгие тётки сделали им замечание, и ребята притихли. Перешёптывались и насмешливо посматривали на ворчливых пассажиров. На следующей остановке вошли три девочки. Ух, ты-ыы... Одна красивей другой! В Астрахани, видимо, столько смешалось национальностей, что их дети не могут не быть красивыми...

Ирина с подругой встали и подошли к выходу. Так, выходим, значит. Мы оказались в неизвестном мне районе города. Впереди, справа, виднелся мост. Трамвай отправился дальше и скрылся за его дугой и строениями. Мы же отправились к ближайшим домам, стоявшим несколько хаотично вдоль береговой линии реки. Попетляв по тесным улочкам, вышли на высокий берег, с симпатичным видом на реку и дома, утопающие в зелени садов. Внизу, прямо перед нами, песчаный берег с редкими отдыхающими. Небольшая компания играла в пляжный волейбол. Слышался смех играющих на пляже и купающихся в реке детей. Ветер издали приносит звуки автомобильных клаксонов и редкие гудки кораблей и обдавал речной свежестью...

Спустившись на песчаный пляж, мы выбрали себе место и расстелили покрывало. Недалеко от нас на розовом покрывале загорали две приятные, изрядно уже позолоченные солнцем, девушки. Подставив красивые тела лучам, они прикрыли лица пляжными шляпками. Возле них сидел на песке молодой мужчина и что-то им говорил, широко улыбаясь. Одну из девушек заинтересовали его слова, и она, убрав шляпку с лица, с интересом на него взглянула. Улыбнувшись, привстала, повернувшись к нему лицом...

Сестра с Ларисой ушли купаться. Я же остался сидеть на покрывале в шортах, сняв только футболку. Среди играющих в мяч выделялся парень с красивой мускулатурой. Когда он отбивал мяч, мышцы его бугрились. Парень знал, что он объект внимания, и нарочно всякий раз поигрывал мышцами... Вот бы и мне такие! Все девчонки бы крутились возле меня... Вон и возле него девушка с красивой стройной фигуркой каждый раз прикасается к нему рукой и смеётся. Обращает на себя внимание. Я отвернулся от них и посмотрел на реку. Купающихся стало больше. Мне не сразу удалось выделить среди них Ирину с её подругой. Надо же! Они уже не одни... Возле них два парня. Один из них жестикулировал руками, что-то рассказывая. Девчонки смеялись...

Оглядев пляж, я не увидел ни одной своей ровесницы. Все уже взрослые, наверное, от восемнадцати и старше. Мне стало скучно и неинтересно. Откинувшись на спину, я смотрел в небо. В этот миг в голубом просторе набирал высоту самолёт. Мне тоже захотелось куда-нибудь улететь... Куда-нибудь в тёплые страны, где есть пальмы, попугаи и обезьяны. Туда, где океан шелестит волнами о берега атолла, и аборигены плавают в лодках, выдолбленных из целого куска дерева... Вот только акулы... Хм-м... Не нравятся они мне. А так – тропический рай... Моё воображение рисовало меня в набедренной повязке, с копьем в руках возле соломенной хижины... Из хижины выходит эбонитовая красотка с большими чёрными глазами и одаривает меня своей белозубой и лучезарной улыбкой...

Подошли сестра с подругой и какой-то парень.

– Здрасьте!

– Привет, пацан!

Лариса начала собирать свои вещи, помахала нам ручкой и пошла с молодым человеком.

Ирина опустила на покрывало и, глядя вслед подруге, сказала:

– Сейчас обсохну и обратно пойдём. Иди, окунись хоть, што ли.

– Нет, – покачал я головой. – Нет желания... А куда она пошла?

– Лариска? Это её парень. Она с ним сама поссорилась, а потом решила помириться...

И мы с тобой, как группа поддержки у неё.

– Якобы случайно оказались здесь, и всё такое?

– Ага...

– Вон они... Уже в волейбол играют!

Некоторое время понаблюдав за играющими, мы начали собираться домой. На трамвайной остановке купили по мороженому и, пока им наслаждались, решили пропустить наш маршрут. Доев мороженое, сели в следующий, и он покатил нас мимо уже знакомых мне домов со скрежетом на поворотах. После реки и солнца мерное постукивание колёс на стыках и голос «Осторожно, двери закрываются» усыпили меня.

– Славик, всё приехали! Подъём. На выход, мы выходим, – растолкала меня сестра.

Русский казах

Дома уже была Марина. Она бегала по кухне и что-то готовила. На плите парила кастрюля, на столе лежали чищенные картофель, морковь и лук.

– Ирка, вы что, не могли ничего приготовить? Дома есть нечего!

– Ты поздоровайся с человеком сначала! А потом уж ори...

– А... Привет Славик. К бабушке? – Произнесла она, проскальзывая мимо меня в коридор. Обрато прибежала уже с банкой тушёнки.

– Тебе тяжело было, да? Я есть хочу! А дома только полпеченьки и варенье...

– Да ладно тебе разоряться! Лариска приходила, ходили на речку, мирить с Пашкой. Как группа поддержки... Ну, сама понимаешь же...

Я сидел в комнате у телевизора и старался не вслушиваться в их перепалку. Мне уже начало думаться, что я совсем не вовремя здесь... По телевизору шло какое-то советское черно-белое кино: партсобрания, повестки заседаний, посевные, фермы, лозунги и счастливые улыбающиеся лица. От нечего делать я смотрел фильм и понемногу втягивался в жизнь киногероев.

– Славка, кушать пошли!

Я вышел из комнаты к столу. Сестры разливали рисовый суп по тарелкам и расставляли по трём сторонам стола. Посередине стола в ажурной металлической тарелке уже лежал нарезанный хлеб.

– Суп у нас сегодня... скороспелый, но съедобный. И самое главное – с тушёнкой, а не постный. Присаживай, присаживайся давай. В ногах правды нет. Слышал об этом?

– Слышал, слышал, – проворчал я.

– Вот и садись сюда. Да. Это тебе. К супу, к сожалению, больше ничего. Вечером что-нибудь купим... У нас, не как у вас в Шевченко – нет московского снабжения... Сушёную рыбу будешь? Нет? Так и думала, потому и не предложила сразу. Вот приедешь к бабушке, там она тебе и борщей наварит, и картохи нажарит.

– Что, уже выгоняете? – хмыкнул я.

– Нет, но по интересуюсь: к нам с Иркой надолго? А то отвечай тут за тебя...

– Завтра уеду. Наверное... И что за меня отвечать? Я почти взрослый.

– Вот, именно – почти! И давай только без «наверное»!

– Ладно, ладно – завтра.

И усмехнувшись, после паузы выдал:

– Возможно, завтра или послезавтра.

Марина уже кушала и потому просто показала мне кулак.

Насытившись супом, скороспело приготовленным Мариной, я опять уткнулся в телевизор, а девчонки мыли посуду и убирали на кухне... По телеку шли любимые мной рисованные мультики. Я вообще не люблю кукольные и пластилиновые мультфильмы! По-моему, они ужасны! Исключение, пожалуй, «Крокодил Гена с Чебурашкой» да кукольный театр Образцова... «Божественная комедия» мне очень нравилась, и сколько раз её показывали, столько раз я и смотрел.

У Марины прошла голодная истерика, и она засыпала меня вопросами. Что да как... Ну, и надолго ли к нам пожаловал? Услышав, что до завтра, успокоилась.

– Вечером пойдём в кино. Французский фильм, боевик... Пойдёшь?

– Угощаете? Пойду. Во сколько? Уже вечер! Вон, на будильнике шестой час...

– Угощаем? А... Купим мы тебе билет. Купим. К семи пойдём, там уже будут нас ждать.

Мой друг. Клёвый парень.

– Девчонки! Ирина, Марина... Идите-кась сюды..., – раздался женский голос с первого этажа.

– Марья Ивановна... хозяйка квартиры. Что ей надо?! Вроде не шумим...

Сёстры спустились к квартирной хозяйке. А я выплянул в раскрытое окно. Никого на улице, лишь где-то далеко слышался автомобильный шум и трамвайный предупредительный звонок.

– Нас угостили пирогом. Будешь? Налетай!

– Да. Давайте, нарежьте...

Выйдя на кухню, я увидел пирог с рыбой.

– О, нет! Не люблю с рыбой!

– Ты же астраханец! И не любишь рыбу?

– Ну... Я не совсем астраханец! Вырос-то я не здесь... Да, и что, все астраханцы должны любить рыбу, арбузы и помидоры? Икру люблю! Чёрную.

– Губа не дура! Икру он любит, – хихикнула Ирина.

– Ну, ты же здесь родился! Почему тогда не астраханец? – Не унималась Марина.

– Где-то прочитал: среда определяет сознание... Вот... Вырос я там, где море, где люди съехались со всей страны... разные обычаи и дружба народов... Баурсаки люблю, каймак..., – засмеялся я.

– Ты что, казах, что ли? – опять хихикала Ирина.

– Русский казах, – отшутился я.

Девчонки наслаждались рыбным пирогом, а я пил чай с печеньем, смазывая его остатками малинового варенья. Получалось вкусно...

– Ну всё! Мы пошли собираться: одеваться, краситься... Посиди тут. Хорошо?

– Жаксы!

– Что?

Я, улыбнувшись, молча пожал плечами и пропел:

– Кайда барасын Пятачок? Улькен, улькен, улькен секрет....

– Странный какой-то. Чем старше, тем дурней! Ладно – нас не беспокоить.

И сёстры плотно задёрнули занавеску дверного проёма.

Бросок через бедро

В этом кинотеатре я уже второй раз. «Октябрь». Кинотеатр со стеклянным высоким потолком, под которым, как в оранжерее, растут экзотические растения. Внутри красиво и уютно – здесь аквариумы, настоящие пальмы и живые попугаи, свободно летающие над головами посетителей. Здесь можно часами ходить и любоваться рыбками. Даже совсем необязательно ходить в кино, можно просто приходить, как на экскурсию. Ух, ты! Какой глазастый телескоп! Золотые рыбки, по-королевски, как веером, помахивают длинным вуалевым хвостом. В аквариуме по соседству обитали яркие цихлиды. Они, как всегда, устраивают драчки друг с другом. Кто в доме хозяин?! Невозмутимые акары методично машут плавниками, зависнув на одном месте и взирая сквозь стекло аквариума на шумную человеческую публику. Суматранские барбусы не дают покоя скаляриям – всякий раз, проплывая мимо, стремятся укусить их за бок. В углу следующего аквариума гурами надули пену и, видимо, готовятся метать икру – она у них до выклева мальков содержится в этой пене...

– Славка! Славка, ты где ходишь? Пошли в зал, сейчас сеанс начнётся. Хватит уже зыркать на них – в речке посмотришь на рыбу. Всё, всё – пошли, – поторапливала Марина, пришедшая за мной.

В зале кинотеатра рассаживались люди. Слышалось эхо голосов и хлопающих сидений. Все расселись. Погас свет. Начался фильм. «Побег». О, эти неунывающие герои боевиков – как торпеды несутся к поставленной цели, и горе тому, кто встал у них на пути! Фильм захватил меня, поглотил миром динамичных событий, и я с неохотой воспринял его окончание и выход из зала. Помню, в школе кто-то говорил, что каждая новая книга должна восприниматься как друг, а перечитывание её – как встреча со старым другом. Так вот, этот фильм мне понравился, и я с удовольствием встречу с ним, как со старым другом.

От кинотеатра «Октябрь» с сестрами пошёл к набережной Волги, к семнадцатой пристани... Я ещё находился под впечатлением от увиденного и потому не сразу понял, что нас стало больше. Возле Марины шёл парень крепкого телосложения и всё время старался ухватить её за талию. Она же всякий раз уворачивалась от его рук.

– Отстань, тебе говорю! Иди спокойно. Выпил пива, веди себя скромно..., – посмеивалась над ним Марина.

Я уже злился на него. Но он здоровый и ему лет двадцать шесть, наверное... Но тут он сам обратил своё внимание на меня и, показывая рукой в мою сторону:

– А это что за молокосос увязался за нами?

– Сам ты... молокосос!

– Ты чо сказал, сопляк? По башке схлопотать хочешь? У меня это не заржавеет. Щас. Иди сюда.

– Да, успокойся же, тебе говорят! – отёрнула его от меня Марина.

Но он, подогретый напитком, уже бурлил и не унимался:

– Чо... сопляк, делавой, штоль? Я с тобой разговариваю. Смотри на меня, когда говорю...

И увернувшись от Марины, он оказался возле меня. Схватил за плечо.

Я несколько лет занимался вольной борьбой, и у меня сработал рефлекс – раз и готово!

Бросок через бедро...

Парень лежал на тротуаре и, ошалело моргая белесыми ресницами, смотрел на меня.

– Ах, ты ж, стерлядь океанская... Да я же тебя сейчас...

Он начал подниматься с асфальта.

И тут я услышал голос сестры:

– Беги, Славка! Беги! Живо!

Что-то мне подсказывало, что это правильное решение. И я побежал. Бежал, в начале как от стаи собак, затем, в районе улицы Трусова, чтоб не привлекать излишнее внимание прохожих – как физкультурник на вечерней пробежке.

И остановился, лишь добежав до каких-то белёных стен, похожих на монастырские... Сердце учащённо колотилось, руки дрожали. Но я был доволен собой. Уф! Как я его! На обе лопатки бугая положил... Успокоившись, я присел на скамейку Морского садика, затем, когда наскучило сидеть и глазеть по сторонам, встал и пошёл, не выбирая пути и оказался возле Лебединого озера – это место я хорошо знаю. Сказочная идиллия – белые лебеди, теремок на импровизированном островке, горожане, несмотря на позднее уже время, прогуливались вокруг озера с детьми. Присев на траву возле озера, я наблюдал за гуляющими. В моей голове начали крутиться одни и те же строки Блока, всё настойчивее и настойчивее: «И каждый вечер, за шлагбаумами, заламывая котелки, среди канав гуляют с дамами испытанные остряки. Над озером скрипят уключины, и раздаётся женский визг, а в небе ко всему приученный, бессмысленно кривится диск». Так и здесь, компания молодых людей, прогуливаясь, гоготала над шутками парня, одетого во всё джинсовое. Самодовольный хиппарь! Они, так же, как и я, сели на траву невдалеке от меня. И нарушили тем самым мою, уже миротворную, идиллию. Я посмотрел вверх на полную луну, висящую над озером. Да, бессмысленный и равнодушный ты диск. Светишь себе и светишь... Хотя нет, не прав Блок – не равнодушный, а ехидный. Наглая, улыбающаяся физиономия! Ехидненько так посмеивается над нами со своих высот и вечности. Радуюсь повторяемости и неизменности нашего бытия. Собирает мотыльков и... комаров. Только сейчас до меня дошло, что в шум города вплетается унылое зудение комара. Я встал и ретировался от шумного соседства, а затем и вовсе ушёл от озера.

Немного побродив по городу, прогулялся вдоль набережной имени Первого Мая – так было написано на табличке одного из домов – и направился к дому сестёр.

Подойдя, очень осторожно открыл калитку, чтоб – ни скрипа, ни звука, вошёл в дверь, ведущую на второй этаж. Медленно, шаг за шагом, поднялся. Лестница не издала ни единого скрипа. Почти не единого... Уф!

Дверь была не заперта. Войдя, я налил себе ещё тёплого чаю и напившись, сел к телевизору и включил его. Картинки не было, только снежинки металась по экрану. Сколько-времени-то? Я нашёл будильник, но он молчал – его забыли завести. Неопределённость во времени начала сворачивать моё мироощущение, сжимать до точки. Время замерло, мир затих, смолк голос улицы за окном, и глаза мои начали склеиваться...

Проснулся я от щелчка выключаемого телевизора.

– Спишь, герой?! Мы его едва успокоили. Всё порывался тебя искать. И надо было тебе с ним связываться?!

Позёвывая и потирая глаза, я встал с дивана.

– Зато, как я его! А?!

– Угу, ты его... Как он бы тебя! Он же – бугай!

– Если б ты не убежал, то твои приёмчики тебе не помогли бы! – слышался ехидный голосок Ирины.

– Славка, лучше сразу с утра поезжай к бабушке, на Мумру... Он может и сюда припереться. А нам тут не нужны скандалы. А он быковатый парень, когда пива выпьет...

– А пьёт он его каждый божий день... Традиция у них такая – утро тридцать первого числа и все последующие числа встречать с бутылкой «Жигулёвского»..., или какое они там пьют? – опять посмеивалась Ирина.

– Да ладно тебе, штоль! – возмутилась Марина. – Нормальный он парень. Трудолюбивый. Звёзд с неба не хватает... а только от сварки... да... Так что, Славик, извини – едь, пожалуйста, от греха подальше, к бабушке!

– Да ладно вам! Я же и так завтра собирался...

– А кто тебя знает?! Может, передумал... Здесь ведь яблоки собирать не надо и картошку сажать не придётся... Ты же у нас городской, с сознанием, определённым твоей средой... Так, кажется? – рассмеялась Марина. – Ладно. Мы там чайник поставили и тортик принесли. Пошли попьём и спать. Утро вечера мудрёнее.

– Мудрёнее!

– Не-а... мудрёнее.

Ночь за окном, а мы сидели на кухне и пили чай с тортом, принесённым сёстрами с прогулки. Затем мне постелили на полу, возле телевизора. Марина и Ирина смотрели телек, там оказывается антенна отсоединилась, а я провалился в сон.

Мне снилось как я, вновь и вновь, бросаю этого бугая то на тротуар, то на борцовский мат, и ликующие зрители машут мне руками, аплодируют... То я уже тореадор и пикой пронзаю мощного рогатого быка, мордой напоминающего Маринино друга. А Наташка, девочка из параллельного класса, подбегает ко мне и целует в щёку.

Вниз по Волге, туда, где лотосы цветут

– Славик, вставай! – сквозь сон донёлся до моего сознания голос Марины. – Полу-ундра!

– Блин, что случилось? – Подскочил я на постели.

– Тебе пора. Поторапливайся. Не забыл, что кто-то вчера очень тебя хотел видеть?

– Так шесть часов же... вон будильник... Ну, вы и садистки! Разве можно молодой организмом так будить, да ещё в такое время?

– Подъём! Подъём! Раньше встанешь – раньше уедешь. И, конечно, раньше порадуешь бабушку. Вставай, Славик, вставай.

– Я пришёл к тебе с приветом рассказать, что солнце встало... – как всегда внесла свою лепту Ирина. – Что оно горячим светом по листьям затрепетало... Викторина! Говори быстро – чьи это стихи?

– Тютчев?

– Грамотей. Фета от Тютчева не отличаешь! У меня пятёрка была за это стихотворение... Вот так-то, товарищ салага.

– Не обращай на Ирину внимание, Слава, это всё что она вынесла из школьной программы. Она книжки не любит читать.

– Ага, сейчас – я много чего помню из школьной программы. Память у меня просто великолепная. Например, помню...

– А вот примеров не надо. Достаточно – верим на слово! – остановила сестру Марина. – Славка, торопись, а то скоро другое солнце, но уже грозное, встанет и припрётся сюда.

Я нехотя поднялся с постели и хотел было её собрать, но меня вовремя остановили, сказав, чтоб быстренько шёл умываться, а постель уберут сами, так как они предчувствуют, что «солнце» уже движется к их дому.

Умывшись и позавтракав, я взял сумку и, наспех попрощавшись с кухнями, спустился вниз на улицу.

Астраханское солнечное утро. Совсем ещё не жаркое. Воробьиные стайки метались меж деревьев и домов. На улицах и улочках под ноги лезли голуби, собирая, видимо, семечки ночных гуляк. Мой путь лежал к Семнадцатой пристани, к ракетному причалу. Позади уже мост через набережную Первого мая. А вот уже и стены кремля, площадь Ленина... Разноголосые гудки клаксонов пронсящих мимо автомобилей. Визг и хохот стаек детишек, с утра пораньше мчавшихся куда-то по своим юным делам. Блеск трамвайных линий. Звонки и скрежет на остановках. Ещё немного, и я перехожу последнюю дорогу, отделяющую меня от прибрежного района. Гостиница «Волга» и... причалы.

На пристани суэта! Вереницы прибывающих «Ракетами», «Метеорами» и всякими прочими транспортными средствами. Узелки, корзины, чемоданы и, конечно, рюкзаки тури-

стов-рыболовов... На реке ветер закручивает барашки волн, громко шелестит стройными рядами деревьев на набережной, играет одеждой отъезжающих и прибывающих граждан, с особым радушным вниманием приставая к женщинам, стремясь задрать им юбки и сорвать шляпки и платки.

Несмотря на раннее утро, зал ожидания полон. У касс многогласно и многолюдно. Все места в зале заняты мамами с детьми, бабушками и дедушками. Остальные курсируют по залу или на палубе, некоторые, облокотясь на перила, покуривают... Делают это они с особым чувством расстановки и видом значимости, задумчиво прищуривая то один, то другой глаз, церемонно стряхивая пепел сигарет в мутные воды Волги.

Заняв очередь у кассы и глядя на суетящихся вокруг старушек, задумался: что им на старости лет дома не сидится? Попивали бы чаёк с малинкой, вели бы свои неторопливые разговоры, сидя на скамейках у подъездов домов или на лавочках во дворах... Нет же, торопятся, тащатся с узелками и авоськами, расталкивают граждан... Ну куда, куда вы? И сразу же услужливая память рисует образы. Декабрь. Снег за окном. А к нам в гости приехала бабушка Матрёна Даниловна из Баку. Выкладывает на кухонный стол заботливо упакованные гостинцы. В ярких блестящих обёртках – конфеты и шоколад, в серой оберточной бумаге – шербет. А вот и что-то круглое и тщательно закутанное газетной бумагой... Разворачивает один, другой... третий... А там яркие оранжевые плоды. Что это? Хурма... О! М-ммм... Хорошо помню этот сочный вяжущий вкус...

– Молодой человек! Вы билет брать будете?! – Пренеприятно ткнули меня в спину. Я стою возле окошка кассы, и кассир, крупная, ярко-рыжая тётя с каким-то кренделем на голове, вопросительно смотрит на меня сквозь проём окна кассы.

– Да, буду. Извините. Один до Мумры, на ближайший...

Протягиваю деньги в обмен на билет – маленькую серую картонку.

– Держите. Отправление в восемь ноль пять. Слушайте внимательно объявления на посадку. Сдачу... сдачу возьмите.

Благополучно приобретя билет до пункта назначения, решаю прогуляться по набережной – у меня аж почти час до отправления! На берегу, в густой кроне тополей, шум и гомон. Каркают, беснуются, что-то не поделив, вороны. Чирикающие воробьиные стайки ручейками перетекают с одного дерева на другое... И под всем этим беснованием и гвалтом, утопая в тени деревьев, скамьи с сидящими пассажирами. Люди пьют воду, наслаждаются мороженым или просто скользят взглядом по прохожим, реке и кронам деревьев.

Утренняя набережная особенно восхитительна. Стройные ряды высоченных деревьев прозрачной утренней тенью укрывают берег от висящего над крышами старинных домов солнца. В конце аллеи, у причалов для туристических лайнеров, возвышаются белые, сверкающие красавцы-корабли.

Напитки, мороженое, трапы, праздные пассажиры в шортах и сланцах... Все добродушны и слегка ленивы – жизнь прекрасна! Когда у тебя отпуск, можно быть счастливым и добрым. Можно быть ленивым... Можно неторопливо двигаться по трапу, неспешно покупать мороженое или воду. Прогуливаться по набережной или стоять у чугунных перил, фотографироваться... Всё можно, когда у тебя отпуск или, как у меня, каникулы. И всё возможно, когда у тебя достаточно денег для путешествия! А с этим у меня проблема. Мои возможности минимальны и равны сумме у меня в кармане. Я с завистью посматривал на эту праздную туристическую публику, на эти белые корабли, курсирующие меж волжскими городами, то вверх по течению, то скользя вниз, к Астрахани... И зов чего-то далёкого, неудержимо прекрасного просыпался во мне и звал на палубы этих лайнеров, чтобы слиться с толпами отдыхающих и отправиться в неведомое. Туда, где я никогда не был...

Услужливая же память мне тут же нарисовала большие каспийские, мрачно-зелёные волны, белый теплоход, держащий курс на Баку, и я, мелкий пацан, лет трёх-четырёх, стоящий

у борта и заглядывающий в эту жуткую бездну меж волнами. Чей-то голос за спиной: «Осторожно стой здесь, не балуйся – можешь упасть. Иди лучше наверх, вот к этой белой трубе и смотри оттуда, сверху». Я, придерживаясь за поручни, затопал по крашенным металлическим ступеням на уровень выше, где и была эта самая труба. Напротив неё – окна капитанской рубки. Поднявшись наверх, я не успел оценить вид сверху, так как в трубе была открыта дверь-люк, и моё любопытство повлекло меня зайти и осмотреться в ней. Зайти я успел, а вот осмотреться – нет. Кто-то из шутников на капитанском мостике дал сигнал – труба неожиданно загудела... и помню, как испуганно сбегая по ступеням обратно, под смех, несущийся из рубки...

Спросив время, я понял: пора не просто возвращаться, а бежать, так как посадка наверняка началась! И действительно, у причала шла погрузка на «Ракету». Пассажиры по трапу преодолевали полосу воды под ногами, меж пристанью и белым скоростным судном. «Ракета» приятно рокотала и подрагивала. Я оказался последним пассажиром, и за мной сразу же убрали трап. Судно медленно отходит от причала, делает манёвр. И вот уже рокот корабля сменяется равномерным гудением.

«Ракета» стремительно понеслась по волжским водам, периодически наскакивая на встречную волну проходящего мимо судна или же идущего впереди нас. На реке движение, хоть светофоры ставь! Буксиры, сухогрузы, тихоходные прогулочные «трамвайчики», встречные «Ракеты» и «Метеоры»... По берегам порты, причалы, дома... И всё утопает в зелени... Мне, после города, в котором каждый росток деревца или кустарника равен величайшей ценности, а берега морские пустынно и скалисты, вся эта роскошь зелени кажется чем-то невероятным и радующим глаз.

В салоне было душно. Несмотря на то, что я расположился у окна, мне не сиделось. Как-то неуютно... Вокруг меня начиналось трапезничество. С утра оголодали путешественники... Пакеты, свёртки, шелестя и шурша, разворачивались, являя на всеобщее обозрение аппетитную снедь. Жующие лица, активно работая челюстями, издавали иногда не очень приятные звуки. И я не выдержал. Водрузив сумку с вещами в кресло, чтоб не решились, что оно свободно, я отправился на палубу, к корме. Здесь можно и постоять, и даже присесть...

За кормой широкий вспененный след, разбегающиеся в стороны волны покачивали рыбацкие лодки, во множестве расположившиеся вдоль берегов... Мощные струи воздуха, обтекая судно, били сильными порывами по открытой палубе. Ветер взлохмачивал волосы и агрессивно трепал одежду. Решив посмотреть вперёд по курсу корабля, выглянул за борт. Ураганный шквал ветра ударил в лицо. Перехватило дыхание, и веки, не выдержав напора воздуха, начали закрываться. Сделав усилие и приоткрыв глаза, я увидел, как водные крылья «Ракеты» взрезали и вспенивали поверхность реки, как стремительно неслись на нас волны. Глаза слезились, но я упрямо смотрел вперед. «Ракета» несла меня вниз по Волге, почти к самому астраханскому заповеднику, в края рыбаков и охотников, туда, где меня уже ждали.

Да, ждали. На ум пришло сравнение – царь Тараса Шевченко сослал на полуостров Мангышлак, где в честь него затем назвали форт – Форт-Шевченко. Меня же из города сослали вообще на остров, в рыбацкое поселение!

Быстроходное судно на подводных крыльях летело дальше по волжским водам, до первой своей остановки – Икрыное, затем пункты назначения последовали чаще, и скорость движения спала. Рокоча и подрагивая от сдерживаемой мощи, «Ракета» причаливала то к левому, то к правому берегам. Пассажиры сходили на берег, их заменяли новые – люди курсировали меж сёлами. У всех были какие-то дела и заботы, а кто-то, как и я, вероятно, ехал в гости на радость себе и принимающей стороне.

Маячное, Трудфронт, Житное... А вот и знакомый долгожданный берег, судоремонтный завод с возвышающимися ввысь кранами, плавучий док с судном на ремонте, рыбоперерабатывающий завод с высоченными вешалами, увешанными рыбой, причал пристани...

Два часа пути уже позади. Моё сердце стало биться чаще, чуть ли, не выпрыгивая из груди: конечная для меня остановка – Мумра. Ракета пойдёт дальше на Зюзино, а я, сойдя по трапу и облегчённо вздохнув, торопливо зашагал знакомым мне маршрутом.

Внучок приехал

От пристани по пыльной тропинке, обходя снующих во множестве дворовых собак, я вышел на единственную асфальтную дорогу села. Эта дорога протянулась от паромной переправы и до судоремонтного завода. Мимо проносился местный транспорт: мотоциклы с люльками и грузовые мотороллеры. Селяне, идущие из магазина или на базар, внимательно всматривались в прибывших. Возле магазина, справа, девушки громко обсуждали местные новости, споря о чём-то друг с другом. До меня долетало многократно повторенное: «Ну, прям», «Хватит, штоль», «Сама не знаш, что болташ»... Было непривычно и забавно это слышать. Так, посмеиваясь над местным диалектом и «совсем не местоимениями», доносившимся со дворов, я дошёл до середины асфальтной артерии села и свернул на обычную, обильно поросшую травой улочку. Пройдя ещё немного, увидел знакомый мне дом и сад. Возле дома, во дворе росло высокое дерево, падающие семена которого мы называли коромысликами.

Улица в этот час была безлюдна – люди, свободные от работы на местных предприятиях, вероятно копошились в огородах. Солнце, приближающееся к зениту, начинало припекать. Подойдя к палисаднику и повернув деревянную вертушку, вошёл. Тишина! Только слышно, как на заднем дворе кудахтают куры. И уже прикоснувшись рукой к щеколде ворот, я услышал звонкий залиvistый лай. У моих ног метался рыжий бесноватый комок. Будто давно знавший меня и потому радостно повиливавший хвостом. Я открыл ворота и вошёл во двор. На шум из дома на рундук вышла пожилая женщина в цветастом платье и таком же платке. Поправив платок на голове, прищурилась, приглядываясь ко мне, заулыбалась:

– О! Внучок! – И придерживаясь за перила, она спустилась по деревянным не – крашевым ступеням. – Вырос-то как! Ну, дай-ка, дай-ка, я тебя обниму...

Бабушка прижала меня к себе и, когда отпустила, я заметил слёзы на глазах. Она отвернулась и смахнула их с глаз. Бабушка засуетилась:

– Вноси сумку в дом, Славик. Переодевайся, а я самовар сейчас поставлю. Я ждала тебя ещё вчера. У меня есть пирожки, как ты любишь, со сливой и есть с ежевикой...

Бабушка, ещё раз меня обняв, поспешила на кухню, отдельно стоящее строение с камышово-глиняной крышей и глиняным полом, землянку.

Зайдя в дом, я поставил сумку и оглядел нехитрое жильё бабушки. Поперёк коридора, у окна, смотревшего в палисадник, стояла металлическая кровать. Над ней висела радиоточка, вещавшая от имени радиостанции «Маяк». Справа, у большого окна, стоял стол, укрытый клеёнчатой скатертью, и на нём электрический самовар, маленькая розетка с тёмным вареньем, лежали щипцы, которыми бабушка раскалывала кусковой сахар. Распаковав сумку, я переоделся в трико и футболку и вышел к бабушке, неся пару пачек настоящего индийского чая и конфеты, привезённые из Шевченко, из города с московским снабжением и не нуждавшегося ни в чём – правительство ради освоения земель, богатых ураном и нефтью, не жалело ничего для людей, покорявших этот край.

Перед кухней был навес, обильно заплетённый выюном с разноцветными цветами. В моей памяти ещё живо воспоминание, как дядя Гена, младший сын бабушки, приехал из города на «Запорожце», гружёным сверху рейками, брусками и досками... Специально для возведения этого навеса. Помню, как бабушка была довольна навесом и возможностью пить чай на свежем воздухе, а не в сырой землянке. До чего неприятельны были раньше люди. На их долю выпала и революция, и гражданская война, и Великая Отечественная... Они умели радоваться самой малости, любому пустяку. Не то, что мы, баловни цивилизации. Мне иногда страшно себе представить, что станет с окружающими меня людьми, если случится катастрофа, и прекратится подача электричества. Надолго прекратится, на месяцы... Вежливость и тактичность

исчезнут, а проявятся самые тёмные качества человеческой природы... Я стряхнул с себя, как наваждение, эти мысли. Положив гостинцы на стол, подошёл к бабушке и обнял её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.